

герны для Лафатера.³⁶ Ведущие русские дипломаты за границей (за исключением посла в Париже Симолина) недоброжелательствовали Екатерине II, сочувствовали Павлу и в той или иной мере оказывались связанными с тем либерально-мистическим движением, с которым соприкоснулся Павел за границей и тесную связь с которым имели вюртембергский дом и Мария Федоровна.

Интересно, что Екатерина с ее сухим умом практика и рационалиста до того самого момента, когда революция в Париже вступила в решающую фазу, более сочувствовала идеям понятных ей энциклопедистов, чем туманным и совершенно чуждым ей учениям мистического гуманизма. Первые не казались ей опасными, вторых она глубоко подозревала в заговорах и покушениях на ее власть.

Рассказ Лафатера, рисуя Павла Петровича человеком, стремящимся к самоусовершенствованию, твердо выслушивающим поучения из уст мудреца, указывающего принцу на его недостатки, imponировал оппозиционерам, поскольку ассоциировался с известными ситуациями из политико-воспитательных романов XVIII века.

Карамзин не упомянул о своих разговорах на эту опасную тему с Лафатером, но в другом месте, верный своему принципу оставлять известные следы интересовавших его серьезных вопросов, показал, с каким вниманием и осведомленностью собирал он данные о путешествии Павла по Европе. Посетив Шантильи, он «вспомнил то великолепное, беспримерное зрелище, которым принц Конде веселил здесь нашего Северного графа. Ночь превратилась в день; от бесчисленных огней казалось, что леса и воды горели; искры сыпались каскадами...» (497).

В Лондоне Карамзин явился к С. Р. Воронцову. Показательно, что в Париже он не считал нужным представиться русскому послу Симолину, хотя и имел контакты с масоном и другом Сен-Мартена советником русского посольства А. Машковым.

Воронцов, как и Карамзин, был внимательным наблюдателем французских событий, хотя относился к ним, вероятно, более критически, чем русский путешественник в 1790 г. Приведем

³⁶ Тесная связь Лафатера с Павлом Петровичем и Марией Федоровной продолжалась и в дальнейшем: Лафатер находился с Марией Федоровной в деятельной переписке, часть из которой опубликована. См.: Johann Kaspar Lavater's Briefe an Kaiserin Maria Feodorowna. Über den Zustand der Seele nach dem Tode, St.-Ptrb., 1858. Русский перевод: Письма Лафатера к государыне императрице Марии Федоровне 1798. СПб., 1881, отклик из журнала «Христианское чтение», № 3—4, 1881, с. 1—35. Во время швейцарского похода Павел приказал Римскому-Корсакову посетить Лафатера и предложить ему на выбор — чин, орден или пенсию. При этом он поручал передать личное письмо, в котором свидетельствовал, что не забыл впечатление от их личной встречи. Поскольку Лафатер находился при смерти (он был ранен французским солдатом), письмо и милости не были переданы.